

О КНИГЕ

Как на Руси выбирали деревья для будущего дома или церкви? Что мерили «локтями»? Куда прибывали за морские гости? Что такое «двуручный кирпич»? Чем занимались в Навигацкой школе? Как освещалась светелка и кто в ней обитал?

На эти и самые разные другие вопросы готова ответить наша книга. Здесь показаны в разрезе полуземлянка X века и жилище горожанина через триста лет, рубленые разборные дома, деревянные и каменные русские крепости снаружи и изнутри, устройство гостиного двора и старинной церкви, корабельная верфь, пушечный двор и Разбойный приказ. А еще из книги можно узнать о бродячих артистах и городских масленичных забавах, о том, чем торговали разносчики и лавочники.

Все, о чем здесь рассказано, — настоящее. Потому что написал книгу настоящий ученый Михаил Исаевич Мильчик, историк архитектуры, знаток деревянного зодчества, который много лет посвятил изучению и охране памятников русской старины.

В строгом соответствии с научными историческими изысканиями книгу проиллюстрировал изобретательный художник Никита Иванович Андреев.

Издательство выражает благодарность автору идеи этой книги и ее первому редактору Елене Михайловне Стрельцовой.

ОБ АВТОРАХ

Михаил Исаевич Мильчик, историк деревянной архитектуры и древнерусских крепостей, родился в 1934 году в Ленинграде, где оставался в первую блокадную зиму. В 1956 году окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института и затем преподавал историю сначала в сельской школе Новгородской области, а потом в Ленинграде. В 1960 году М. Мильчик впервые поехал на Русский Север, который произвел на него столь сильное впечатление, что он стал ездить туда ежегодно, чтобы видеть и изучать старинные деревянные церкви, часовни, дома и деревни, многие из которых впоследствии разрушились или сгорели. Затем почти 40 лет он работал в Институте реставрации. В 1977 году защитил диссертацию, посвященную изображению церквей и монастырей на иконах. С тех пор М. И. Мильчик написал более 350 статей и 38 книг, среди которых серия о древних городах: Выборге, Холмогорах, Архангельске, Тихвине, Старой Ладоге и других. Книга «Как строили города на Руси», созданная вместе с художником Н. И. Андреевым, впервые увидела свет в 1999 году.

М. И. Мильчик — член Союза архитекторов России, лауреат премий имени академика Лихачева и «Хранители наследия» — и теперь продолжает свои исследования как ведущий сотрудник в Научном институте теории и истории архитектуры.

Никита Иванович Андреев родился в 1951 году в Ленинграде. В 1975 году окончил факультет графики Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина по мастерской книжной графики. Член Союза художников СССР, а затем России с 1982 года. Участник многих всесоюзных, всероссийских, региональных и международных художественных выставок. Награжден дипломами всесоюзных и российских конкурсов книги. В 2019 году награжден серебряной медалью Российской академии художеств за циклы иллюстраций к произведениям литературной классики. Доцент кафедры графики Северо-Западного института печати Государственного университета технологии и дизайна, преподает в Санкт-Петербургском художественном училище им. Н. Рериха. В издательстве «Качели» опубликованы проиллюстрированные Никитой Андреевым книги М. Ф. Альбедиль и Ю. Е. Березкина «Жилища народов мира», Д. П. Дроздова «Как строилась Москва», С. Ю. Афонькина «Во мгле времен. Динозавры и другие доисторические жители Земли», Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика».

VIII–IX ВЕКА.

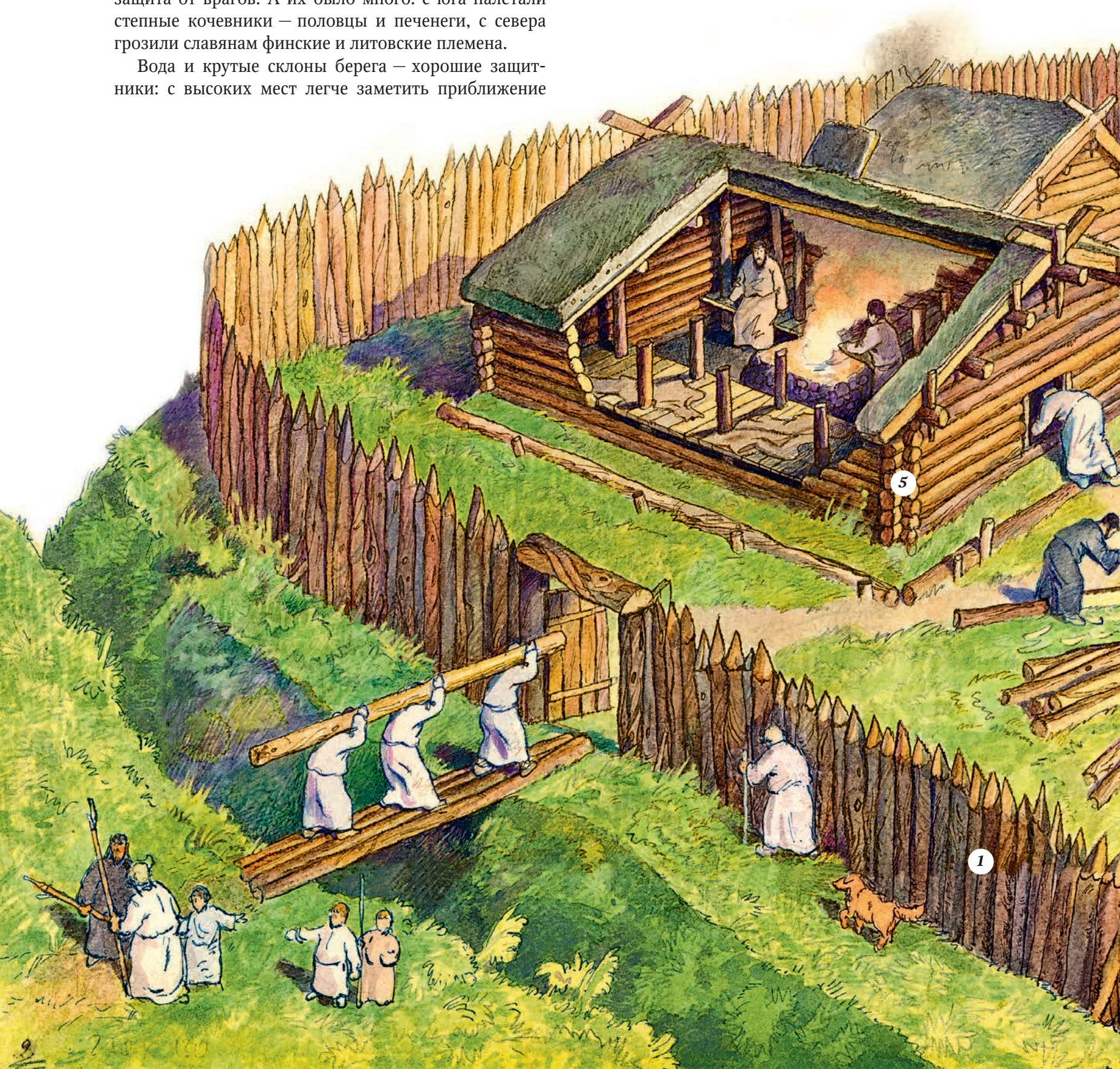
МЫСОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

На огромном пространстве от приднепровских степей на юге и до Финского залива и Ладожского озера на севере издревле жили славяне. Для своих селений они выбирали высокие места по берегам рек и озер. Чаще всего селились на мысу, который образовывался при впадении одной реки в другую. Такие места очень привлекали людей, потому что вода оказывалась с двух сторон и получалась естественная защита от врагов. А их было много: с юга налетали степные кочевники — половцы и печенеги, с севера грозили славянам финские и литовские племена.

Вода и крутые склоны берега — хорошие защитники: с высоких мест легче заметить приближение

и конницы по суше, и судов по реке. Правда, у стоящего на мысу поселения оставалась третья сторона, откуда враг мог подойти. В старину ее называли *напольной*, то есть обращенной к полю, или же *приступной*, потому что именно отсюда враг шел на приступ — штурм. Вот тут-то поселенцы и строили препятствия: рыли ров, соединяя обе реки, и, если возможно, пропускали по нему воду. А вырытую землю насыпали по краю рва, чтобы получился вал — еще одна преграда для нападающих.

На гребне вала, а если береговые склоны были пологими, то и на них, ставили *частокол* (1). Брали колья или нетолстые бревна высотой примерно

в два человеческих роста, вкапывали в землю стоймя, ставя их часто, то есть вплотную друг к другу. Отсюда и слово, которое в деревнях можно услышать и теперь. Концы бревен заостряли, чтобы врагу было труднее перелезть. Такие укрепления называли *острогами*, а любые огороженные поселения — *городищами*. В этом слове легко слышать другие, хорошо нам знакомые: «город», «огород», «городить», «огораживать», «ограждать». Все они родственны. Ясно, что «город», или, в старославянском звучании, «град», — это огороженное, защищенное место.

Городом поначалу называлась сама ограда. В старых русских деревнях, где прежний язык сохранился

лучше, и сейчас о заборе иногда говорят «городьба». Встречаются и деревни с названием Городище. Они особенно привлекают археологов: раз слово древнее, значит, и место такое же. А чтобы узнать, как жили люди в далеком прошлом, надо раскапывать именно места древних поселений. Конечно, на поверхности мало что сохранилось. Лишь опытный глаз специалиста может заметить остатки рва и признаки того, что когда-то здесь были валы.

В степях, где лесов было мало, наши предки обычно устраивали жилье в виде полуземлянок (2). В яме примерно метровой глубины по углам вбивали столбы, а между ними устраивали стены из плах. Плахи получали, раскалывая бревна вдоль на две или три части. Крышу делали из бревен, на два ската, сверху накладывали дёрн (3).

Пол в полуземлянке земляной, окон не было вовсе — свет проникал только через вход. Внутри — печь (4) из глины или камня. Дым из нее шел прямо в жилое помещение, поднимался под крышу, благо потолка не было. Потому-то и говорили, что такие жилища топились по-черному.

На Новгородской земле чаще всего жилье строили наземное: в таком случае бревна, обычно сосновые, клали прямо на землю, иногда под углы подкладывали камни. Бревна укладывали горизонтально, врубая друг в друга по углам (5). Получался *венец*. И так один, на него другой, третий... Щели для тепла затыкали мхом — *мшили*, а снаружи иногда промазывали глиной.

Полы делали деревянные, чуть приподнятые над землей, чтобы было теплее. Ну а печь топилась, как и в полуземлянках, по-черному. Часто такие избы называли курными, потому что они курились, то есть дымились: дым стелился под потолком, а наружу выходил из маленького оконца, сделанного вверху стены. «Курна изба, да печь тепла», — говорили в старину. Зимой нередко здесь же укрывали от холода и молодняк — телят, ягнят.

IX–X ВЕКА. ПОГОСТЫ

Теперь мы знаем, что означало слово «город» в глубочайшей древности, но как же появились на Руси города в нашем понимании этого слова? Давайте вспомним, что в IX–X веках по Днепру и его притокам, по Десне жили славянские племена: древляне, кривичи, полочане, вятичи, словене и другие. Центром был Киев, постепенно вокруг него начали возникать малые города.

В Киеве же находился князь с большой дружиной, который не только защищал от набегов кочевников земли, где жили разные племена, но и собирал с них

дань. Мы бы сегодня сказали — налог. Дань собирали шкурками лисиц, белок, бобров, а также зерном, медом, воском, вяленой рыбой и даже невольниками-рабами.

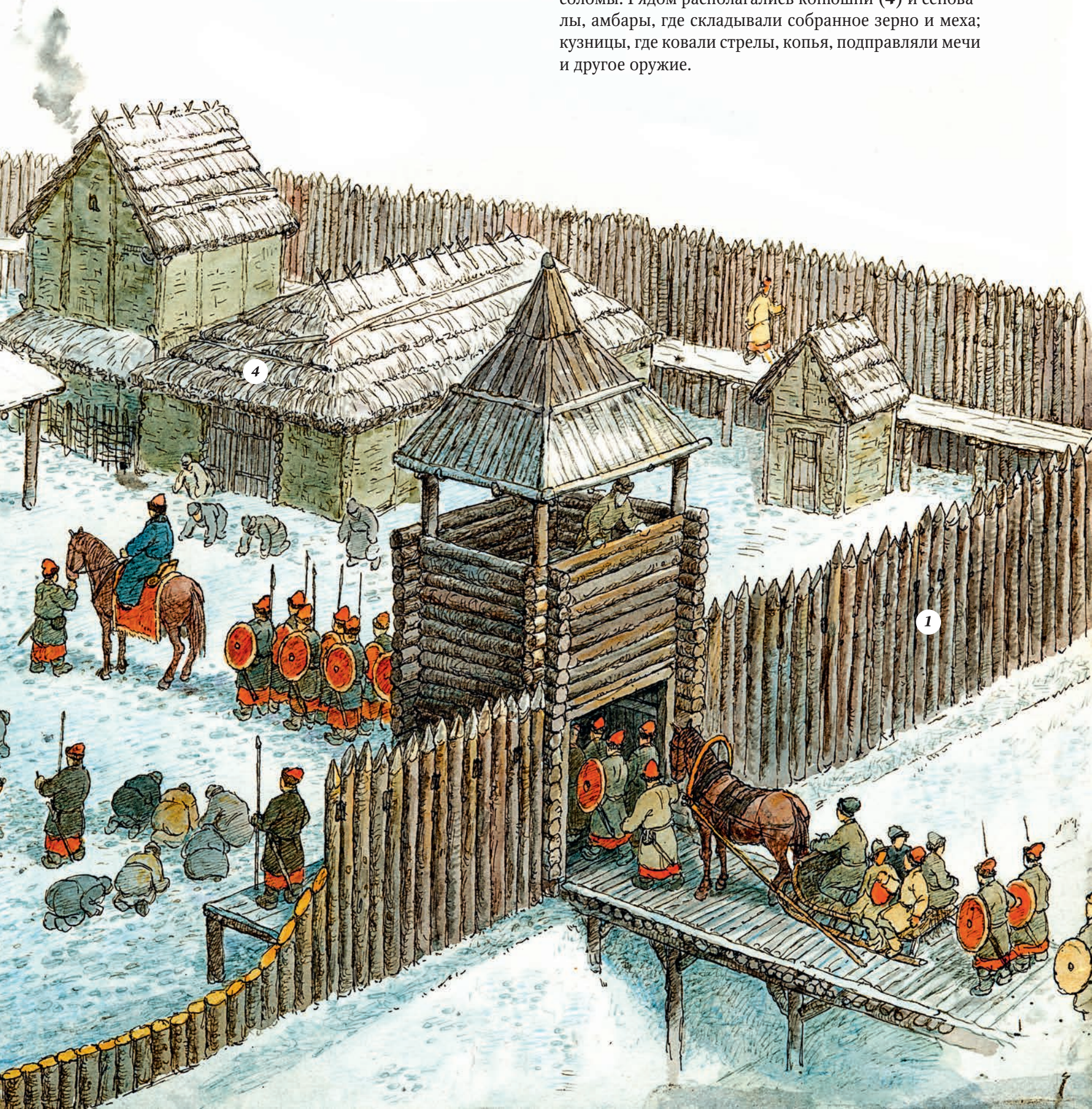
Князь с воинами-дружиной осенью, в ноябре, на конях отправлялся в объезд — на *полюдье*, то есть *по людям*, и возвращался уже весной, в апреле, проезжая за это время до полутора тысяч километров. В обозе с ним ехали воины-дружинники, конюхи, кашевары,

ремесленники (надо же было чинить повозки, седла, конскую упряжь). Всего человек сто пятьдесят — двести. Останавливался князь с дружиной и обозом на неделю или больше в становищах или *погостах*, то есть местах, где гостили приезжие (всем знакомо слово «погостить»).

В центре погостов, огороженных уже знакомыми нам частоколами, или *тынами* (1) — вертикально вкопанными бревнами, — для князя и его приближенных

ставили *хоромы* (2) — большие дома, обычно двухэтажные, крытые *тёсом* — тонкими досками, которые вытесывали топорами из ствола дерева и только спустя много веков научились распиливать с помощью пилы. Покои самого князя были на втором этаже, внизу располагались слуги. Для дружинников и всех остальных — *истьбы* (3), избы с печами (ведь время-то зимнее!) с открытым огнем, дым от которого выходил через отверстие в крыше и в дверь. Около очага всегда кто-то следил, чтобы искры не попадали на стены и крышу, сделанную из нескольких слоев соломы. Рядом располагались конюшни (4) и сеновалы, амбары, где складывали собранное зерно и меха; кузницы, где ковали стрелы, копья, подправляли мечи и другое оружие.

Некоторые погосты, особенно удачно расположенные на берегах рек, привлекали торговых людей — купцов, потому что главными дорогами тогда были водные. Там устраивали ярмарки, на которые съезжались и сходились люди со всей округи. Там же свои мастерские ставили ремесленники. Из них главными были кузнецы (1).

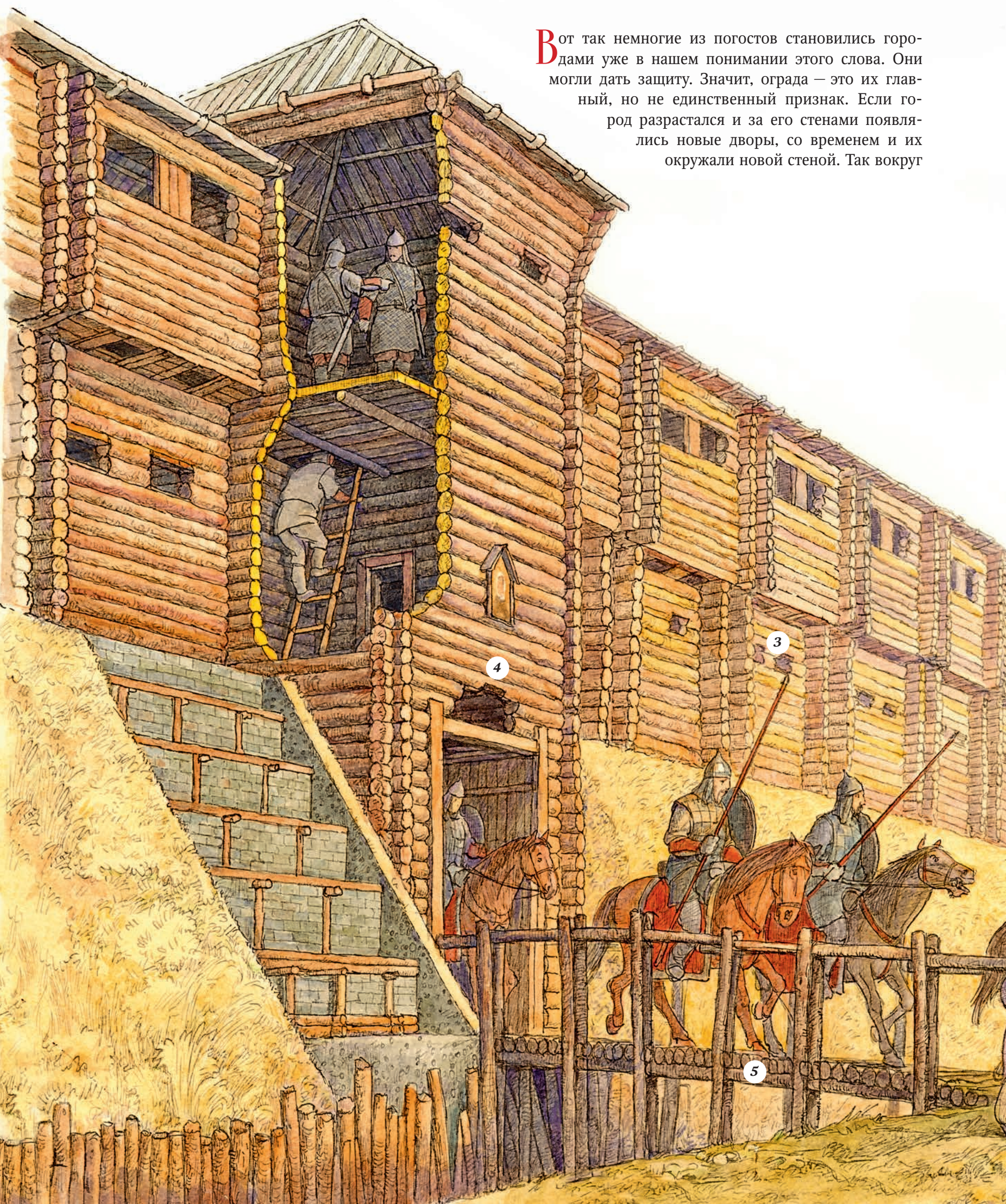
Вот такие погосты постепенно разрастались, а из-за тесноты новые постройки приходилось ставить уже за стенами, и тогда для защиты надо было рубить новую, уже вторую ограду: ведь опасность нападения кочевников оставалась еще долго. Они часто уводили жителей погостов, и прежде всего ремесленников, в плен, угоняли скот, увозили запасенные зерно, шкуры, поджигали деревни...

X–XI ВЕКА. ПЕРВЫЕ ГОРОДА

Вот так немногие из погостов становились городами уже в нашем понимании этого слова. Они могли дать защиту. Значит, ограда — это их главный, но не единственный признак. Если город разрастался и за его стенами появлялись новые дворы, со временем и их окружали новой стеной. Так вокруг

главного города, *детинца* (1), возникало второе кольцо стен — *окольный* город (от слова «около»). Захватить его враг мог лишь внезапным набегом, наездом — *изъездом* по-древнерусски. А если не удалось сразу, то долгой осадой — *облежанием* (обложив, окружив город лагерем). Враг при этом зорко следил, чтобы не подошла подмога осажденным, чтобы им не подвозили продовольствие.

Для обороны города нужны высокие валы и деревянные стены (2), чтобы с них можно было стрелять, а если враг подойдет совсем близко, то бросать вниз камни, лить кипяток и горячую смолу. Некоторые города имели по три, а изредка — даже по четыре кольца валов. На каждом валу ставили стену из бревенчатых срубов. Срубы эти назывались *городни* (3) всё от тех же слов «городить», «огораживать». Нечто подобное мы увидим дальше на примере Москвы.

Самая важная часть укрепления — ворота. Именно их прежде всего начинали штурмовать враги. Ворота обычно устраивали в виде башни с проездом (4) внизу, который закрывался тяжелыми створами. Перед башней (она называлась *воротной*) — мост через ров (5), как правило, подъемный, чтобы в случае осады помешать врагу ворваться в город.

Первое, что видел человек, подходивший к такому городу, — это пояс крепостных стен, ворота, а вдали, на горе, — еще одна крепость. В ней находился

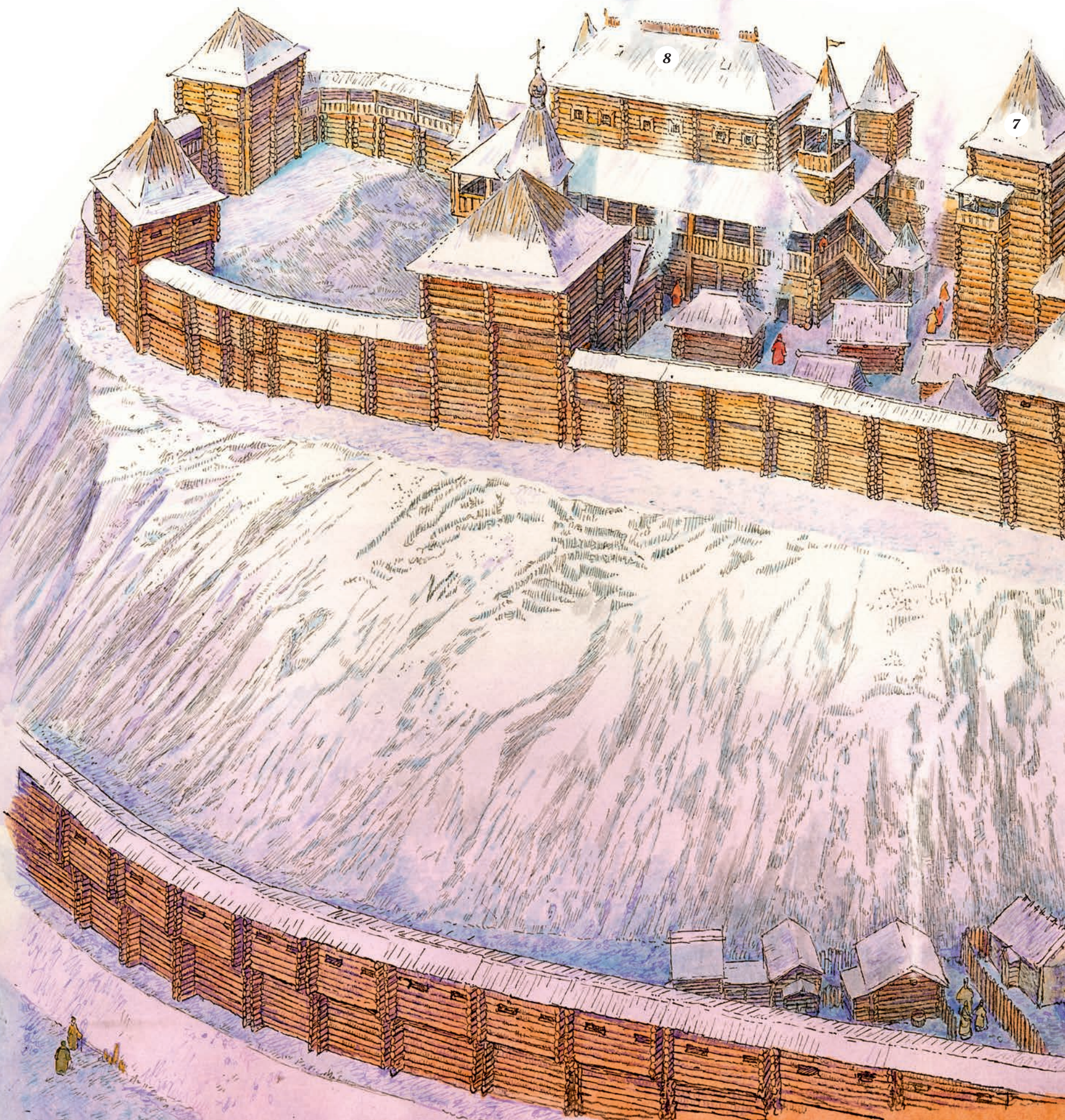
княжеский двор. Это самое укрепленное место в городе — *детинец*.

Пройдя по мосту надо рвом, путник приближался к башне, и, если пропускала стража, тяжелые створы ворот раскрывались, поднималась решетка, и он проходил (или проезжал) через башню, а затем двигался по узким улицам вдоль глухих заборов, за которыми

виднелись хоромы, избы и другие постройки. Чтобы попасть в детинец, надо было перейти по второму подъемному мосту (в это время его должны были опустить) и войти в башню. Затем путник оказывался в узком проезде (6), который вел наверх, к главным воротам детинца. Если сюда прорывался враг, он оказывался как бы в западне: ни вперед,

ни назад, — и тут-то его можно было обезоружить. Наконец, вверху вооруженные сторожа придирчиво допрашивали, куда он идет, зачем и к кому.

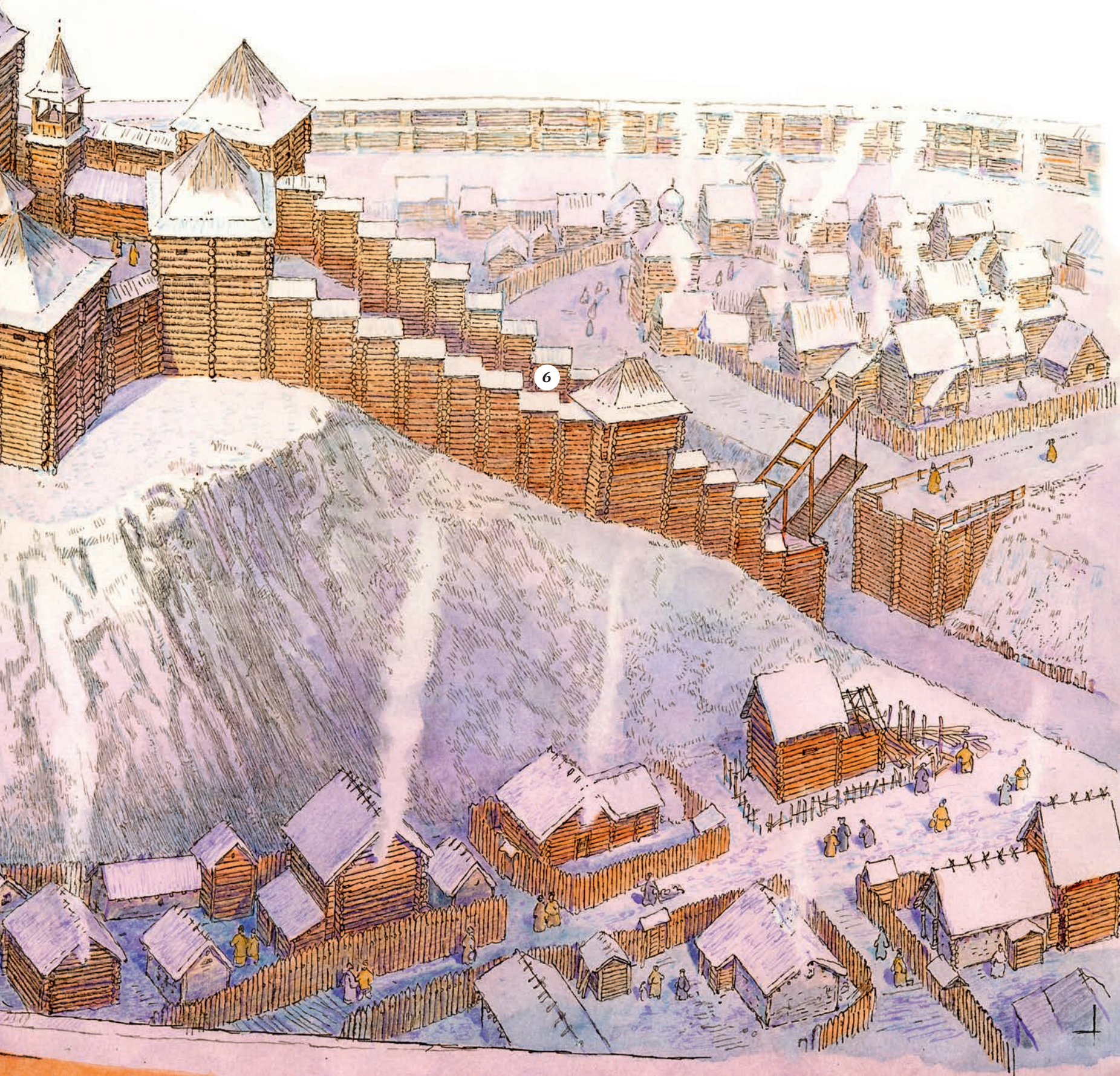

В глубине небольшого двора детинца стояла башня (7): она служила последним прибежищем горожан на случай осады. В ее подвалах хранились запасы зерна. За башней видны церковь, увенчанная крестом, и рядом трехэтажные княжеские хоромы (8), похожие на те, что мы видели на погосте. И здесь, как и там, на втором этаже — палата для пиров и *ложницы* — спальни. Третий — чердак с тесаными стенами и широкими окнами, совсем не похожий на то, что мы теперь называем чердаками, — помещение под крышей. Печей там не было, ведь на чердаке жили только летом.

Запасов во всем детинце хранилось так много, что двести — двести пятьдесят его обитателей могли

просуществовать, не выходя наружу, около года. Воду брали из глубоких колодцев, но на всякий случай склоны холма были прорезаны несколькими подземными ходами: эти тайные спуски выводили за городские стены, позволяя осажденным незаметно выходить на разведку или спускаться к реке за водой.

Примерно таким был детинец Любеча, возвышавшийся над Днепром. Здесь в княжеских хоромых в конце XI века, а именно в 1097 году, собрались все русские князья, чтобы договориться о прекращении вражды друг с другом и объединить свои дружины для борьбы с половцами, разорявшими земли вокруг Киева.

ХII–ХIII ВЕКА. ЖИЛИЩЕ БОГАТОГО ГОРОЖАНИНА

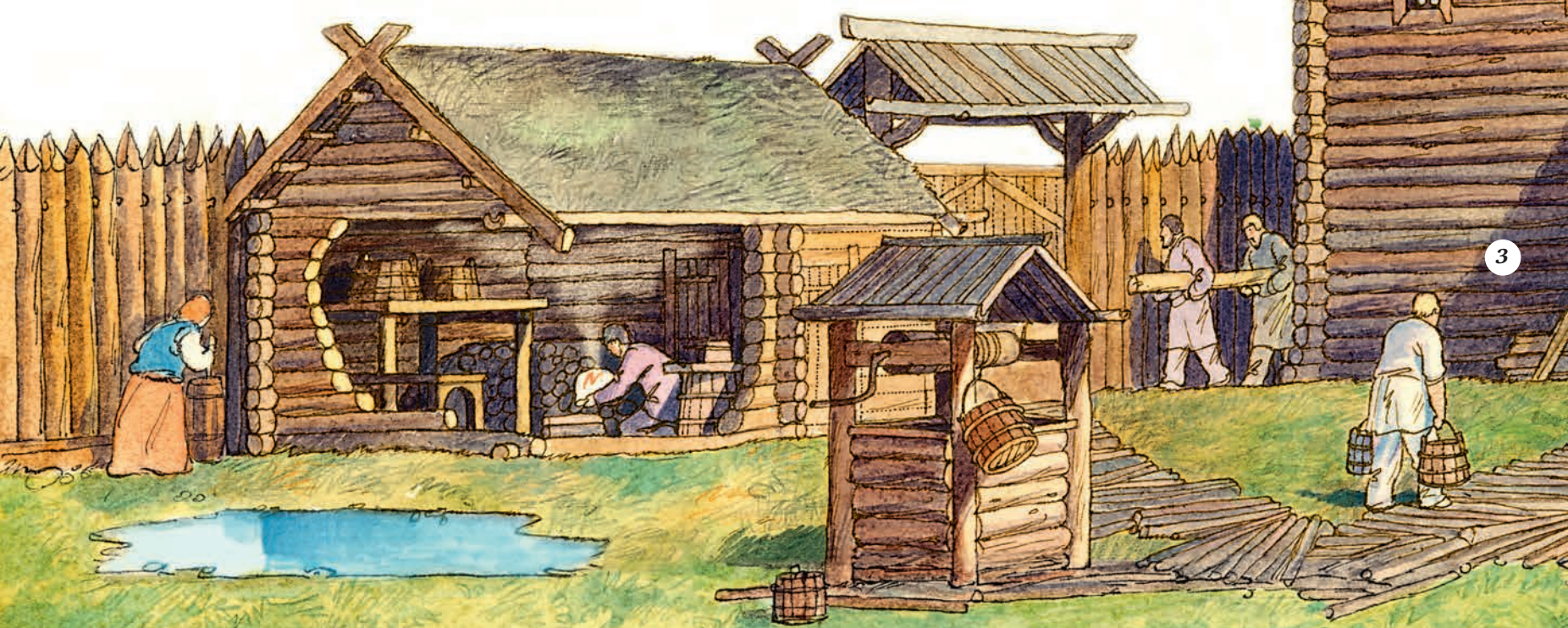
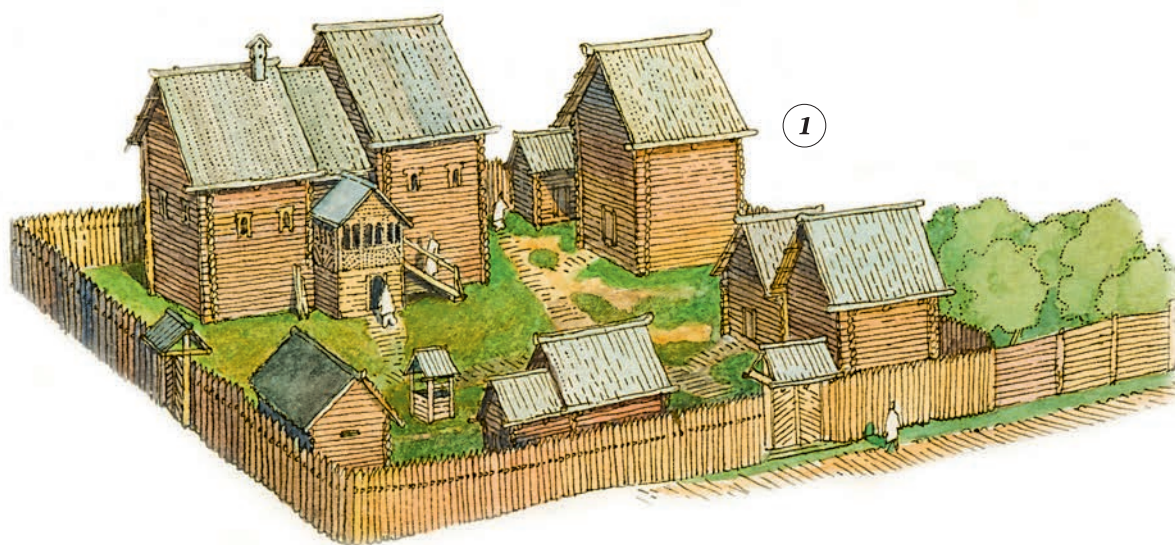
Как выглядел двор (1) богатого горожанина во времена Древней Руси?

Близкие князю люди имели, конечно, более богатые жилища — хоромы, вроде тех, княжеских, о которых

уже шла речь. Высокие, хорошо заметные среди окружавших их низких строений, они состояли как бы из двух срубов, каждый под своей крышей. Попробуем в них заглянуть.

В переднем срубе, внизу, — изба (2). В ней — печь на высоком основании — уже знакомом нам *опечке*, но тут она не глинобитная, а кирпичная. Свет слабо проникал сюда через волоковые окошки, затянутые бычьим пузырем. Тут варили еду и тут же жила прислуга.

Рядом — обширная клеть (3), служившая кладовой, где хранились большие кувшины с зерном. Пол здесь был глиняный. В избу и в клеть попадали через

небольшую пристройку — *прируб* (4). На нем — площадка с крышей и лестницей, всё вместе — *крыльцо* (5), от слова «крыть». Эта площадка названа так потому, что была защищена от дождя и снега крышей. С крыльца входившие попадали в *сени* (6). Когда-то сеними называли навесы (вспомним слово «сень»).

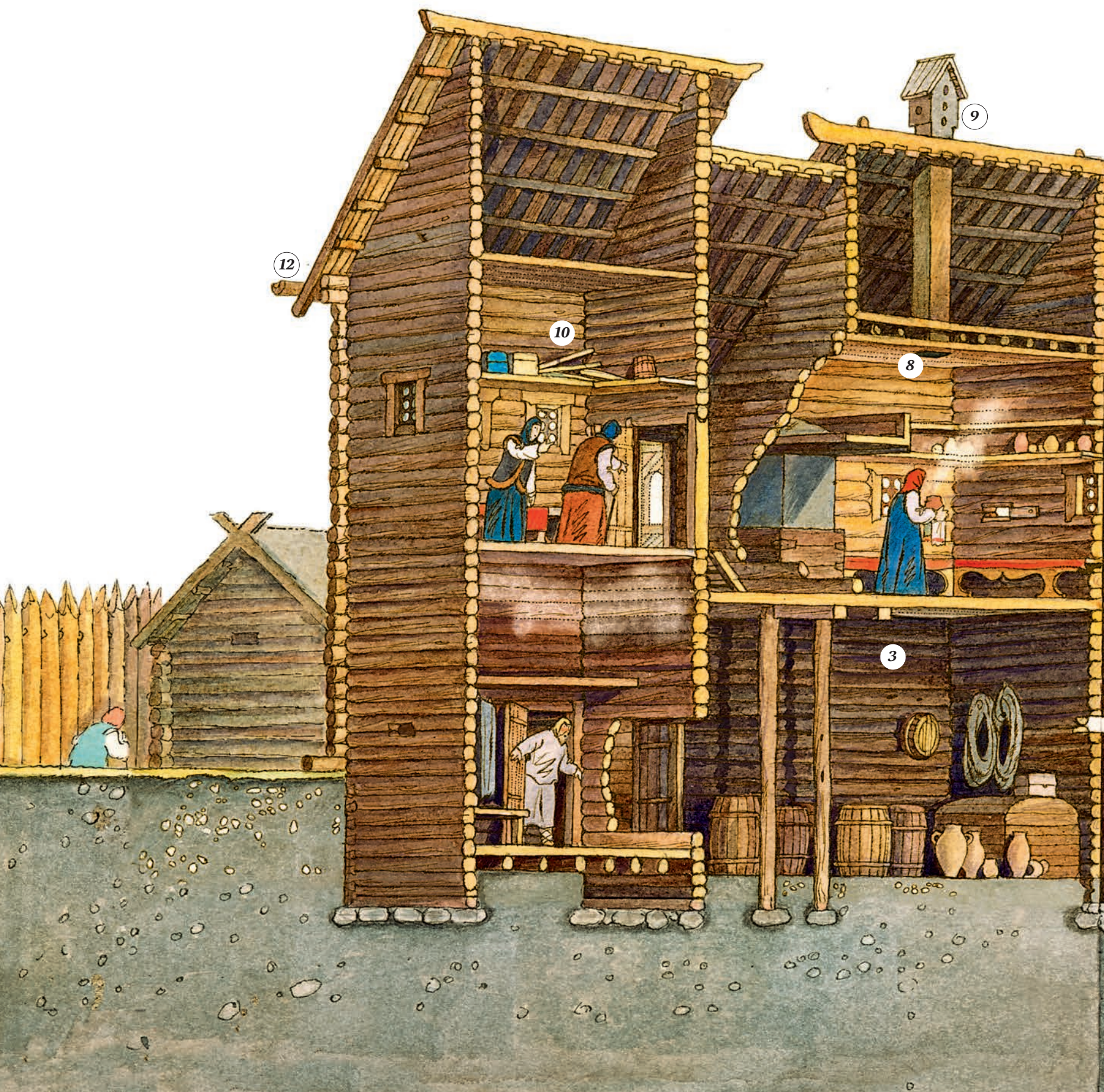
Со временем у навесов стали делать стены, но легкие, из теса, а не из бревен.

Сени соединяют по второму этажу обе половины дома. Слева от сеней — *горница* (7), от старого слова «горнее», что означало «высокое». И теперь нам хорошо известно слово «гора».

Теперь посмотрим, как хоромы выглядели внутри. Печь в горнице служила только для тепла. Здесь дым из печи, поднимаясь к потолку, уходил через отверстие в нем — *дымницу* (8), а дальше по деревянной трубе — на крышу, где труба заканчивалась резным домиком — *дымником* (9). Неудивительно, что

в горнице было совсем не так дымно, как в избе. Из сеней по ступенькам поднимались в *светлицу* (10), предназначенную для женских работ — вышивания, ткачества и другого рукоделия. Тут и впрямь было много света благодаря окнам во всех четырех стенах или в крайнем случае в двух. В большие окна с косяками

(*косячатые*) вставлены не слюдяные, а стеклячатые рамы — явный признак богатства и большая редкость по тем временам. Крыша хором говорит о состоятельности владельца: она не земляная, а тесовая. Вверху лежит тяжелое бревно — *шелом* (вспомните слово «шлем»), или *охлупень* (11). Оно прижимает верхние

концы теса. А их нижние концы упирались в *потоки* — желоба (12), по которым с крыши стекала дождевая вода. Желоба держались на крючьях, сделанных из корней нетолстых деревьев. Крючья обычно вырезали в форме птичьих голов и потому называли *курицами* (13).

ХII–ХIII ВЕКА. ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН

Чем же в то далекое время, еще до вторжения монголо-татар, русский город отличался от деревень-селищ? Может быть, бóльшим количеством дворов? Не обязательно: деревни иногда бывали большими, а города — маленькими. Может, тем, что горожане не пахали землю и не держали скот? И это не совсем так: многие имели за городской стеной пашни и пастбища да скот держали — и овец, и коров.

Об одном безусловном отличии мы уже говорили: города имели оборонительные стены. Но есть и другое: здесь жило много ремесленников. А ремесленники работали на продажу. Они сами торговали своими изделиями или продавали их купцам, которые увозили товар в другие города или на ярмарки.

Самыми распространенными ремеслами в городе были плотничье, столярное, ткацкое и кузнечное.

Плотники заготавливали зимой в лесу сосновые и еловые бревна, весной сплавляли их по реке в город, а летом ставили по заказу срубы домов, церквей, городни. При строительстве они подгоняли бревна друг к другу — соединяли, *сплачивали* их, отсюда и название ремесла. Каждый плотник имел свой набор инструментов: топоры, сверла, скобели, тёсла. *Столяры* на токарных станках вытачивали деревянную посуду, прялки, столбики для балконов. *Ткачи* из льна и конопли изготавливали нити, а затем ткали материю на деревянных станках.

В городах редко носили лапти: почти у всех были кожаные сапоги из дубленых шкур домашних животных. Их шили *кожевники*. Они же готовили кожу: для *седельников* — на седла, для *шорников* — на конскую сбрую, для *оружейников* — на колчаны, в которых носили стрелы и щиты.

С XVI века в городах занимались выплавкой (1) железа из болотной руды, а из железа *кузнецы* ковали мечи, наконечники стрел, топоры, серпы, ножи и многое другое. *Золотых и серебряных дел мастера* умели из сплавов серебра, меди и олова изготавливать нательные кресты, женские украшения (кстати, серьги до конца XIV века носили и многие мужчины — как из простого сословия, так и из боярского). По всей Руси славились новгородские плотники, киевские *ювелиры* и *литейщики*. Лучшие гончарные изделия (2) были в Рязани и Белгороде: там из глины делали на гончарном круге посуду, рукомойники, лепили игрушки.

В ту давнюю пору на Руси уже умели варить стекло. Правда, дорогое оконное стекло заказывали лишь для церквей и богатых хором. Зато почти всем доступны были браслеты и бусы из цветного стекла, их изготавливали в печах при температуре до 1200 градусов. Трудились в городах еще и *кирпичники*, *камнетесы* и *камнерезы*, *портные*, *иконописцы*...

Все, что изготавливали городские мастера, продавалось на рынках вместе с заморскими товарами: узорными шелковыми тканями, коврами, серебряными сосудами, украшениями, пряностями и прочим.

Раз шла торговля, значит, нужно было уметь измерять продаваемое: длину, вес, объем.

Меры длины на Руси, как и во всем мире, были связаны с размерами человеческого тела: *пядь* — расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами; *локоть* — длина руки от кончиков пальцев до локтя; *сажень* — расстояние между концами пальцев разведенных в стороны рук. Конечно, руки у разных людей не одинаковы, а потому и меры тогда были весьма приблизительны.

Первыми мерами веса служили деньги — *гривны*, слитки серебра весом около двухсот граммов. Чтобы получить более мелкие деньги, гривну рубили на части. Отсюда и знакомое нам слово «рубль». Наряду с деньгами товары обменивали на шкурки пушных зверей — *куны*.

